

КАНОНИЧЕСКИЙ СТАТУС КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ВИЗАНТИИ

П. В. КУЗЕНКОВ

В статье подробным образом рассматривается постепенное изменение статуса Константинопольского патриарха от епископа небольшого города до вселенского патриарха с определенным набором властных привилегий. Определив в начале работы статус и положения епископа и церковных округов в древней Церкви, автор далее, опираясь на источники канонического права и их ранние византийские толкования, развивает идею о том, что трансформация положения епископа Константинополя происходило в несколько этапов, и каждый новый его шаг имел свои в не последнюю очередь политические причины. После того, как в IV в. Рим и Константинополь, будучи политическими центрами Римской империи, получили определенные «столичные привилегии» чести, они были последовательно модифицированы во властные полномочия. Это процесс происходил на протяжении нескольких столетий и был связан с деятельностью в V–VI вв. императоров Зинона I и Юстиниана Великого, закреплявших такое положение столичного епископа на законодательном уровне, и наделив его титулом «вселенский». После патриаршества Фотия и столкновения с Римскими епископами Константинопольскому патриарху усваивается право вторгаться в определенных случаях в область канонической юрисдикции других Церквей — и это становится ключевой метаморфозой в понимании природы первенства. В последующее время такое понимание только усугублялось и достигло апогея в XX веке, когда Вселенский Патриархат начал зондировать почву для расширения своих полномочий до общеправославного уровня, с перспективой превращения в некое подобие «православного Рима».

Вот уже около тысячи лет Константинопольский патриархат находится во главе диптихов поместных Православных Церквей. Это почетное место константинопольские иерархи усвоили себе, заняв место римских пап, которые с XI в. остаются вне канонического общения с православным миром. Одной из главных причин разрыва, долго назревавшего и окончательно оформившегося после известного конфликта 1054 г., послужили, как хорошо известно, претензии Рима на абсолютное и безусловное верховенство в христианской Церкви. На православном Востоке — и прежде всего в византийском Константинополе — с удивлением, а чаще с негодованием встречали такого рода притязания, не имевшие оснований ни в Священном Писании, ни в церковном Предании. Оформлявший юридические основы уникального церковно-правового статуса римских понтификов так называемый Константинов дар — фальсификат, сфабрикованный в VIII в. для неискушенных правителей варварской Европы, — даже сами

папы долгое время не решались предъявлять цивилизованному христианскому миру. Однако с течением времени ситуация изменилась. Впервые всплывший во время диспутов XI в., «Константинов дар» на удивление быстро завоевал доверие византийских канонистов и долгое время считался в православном мире одним из краеугольных документов церковной истории. Впрочем, церковные каноны и исторические сочинения не позволяли сомневаться в том, что в древней Церкви никогда не существовало ничего похожего на единую и универсальную единоличную власть, которой бы были подчинены все епископы христианского мира. Традиционный эпитет св. Петра — *первоверховный* (греч. *χορηγόλης*, лат. *princeps*) апостол — хотя и признавал его выдающееся место среди апостолов (причем наряду со св. Павлом), вовсе не подразумевал его формального главенства над учениками Христа. Тем более это касалось епископа Рима, который издревле считался наиболее уважаемым из иерархов Империи, но до поры до времени никем не воспринимался в качестве всеобщего главы христиан.

Православная экклесиология всегда твердо придерживалась соборного принципа организации вселенской Церкви, согласно которому все апостолы получили от Господа равные полномочия, а следовательно, и их преемники — епископы — отличаются друг от друга не по «божественному праву», а по церковно-каноническим основаниям. Тем не менее в византийский период отношение самих «ромеев» к церковному статусу своей столицы было неоднозначным. Традиционное восприятие архиепископа Константинопольского как первого по чести, но равного по сану предстоятеля одной из поместных Церквей, соседствовало с представлениями об особом статусе «вселенского патриарха», дающем ему исключительные прерогативы и права по сравнению со всеми прочими иерархами. Проследить развитие этих представлений призвана настоящая статья.

Иерархические уровни церковной власти в Римской империи

Уже в первые четыре века становления церковной организации в Империи оформилось три основных иерархических уровня управления.

1. Уровню отдельного города с его округом соответствовала епископия (по-гречески *παροικία* или *ἐνορία*, по-русски обычно переводится как «епархия»)¹ во главе с епископом, обладавшим всей полнотой духовной и церковно-административной власти (*ἐξουσία*) над своим клиром и паствой. Согласно канонам, епископ имеет попечение обо всех церковных делах, управляет подчиненной ему территорией, распоряжается церковным имуществом, «яко Богу

¹ Для отечественной церковно-исторической науки серьезной терминологической проблемой является смешение понятий «епархия» и «епископия», вызванное специфической традицией Русской Церкви (веками считавшейся одной из епархий Константинопольского патриархата). В первоначальном словоупотреблении область, подчиненная власти обычного епископа, обозначалась специальным термином *ἐνορία*, тогда как термин *ἐπαρχία* (греческий эквивалент латинского *provincia*) был зарезервирован за областью юрисдикции митрополита. В России же, где различия между митрополитами и епископами трансформировались из административных в титулярные, «епархией» принято называть область, подвластную обычно епископу (кроме викарных). Эта путаница способна породить немало проблем, поскольку властные полномочия епископа в рамках «энории» и митрополита в рамках «епархии» существенным образом различаются.

назирающую», рукополагает пресвитеров и диаконов и разбирает все дела с рассуждением².

2. Для решения общих вопросов на областном (провинциальном) уровне возникли коллегиальные органы управления — соборы епископов (по образцу Апостольского собора) под председательством епископа центра провинции — митрополии. Такой епископ, как получивший начальство над другими епископами, как правило (но не обязательно), назывался архиепископом или митрополитом («столичным»). Каноны предоставляют архиепископам право созывать местные соборы и председательствовать на них³, следить за соблюдением соборных решений, утверждать выборы епископов, принимать апелляции и другие важные решения⁴. Однако их власть не абсолютна: они не имеют права вмешиваться во внутренние дела подчиненных епископов и ничего не могут предпринимать без их согласия⁵.

Обращают на себя внимание те канонические формулировки, которые объясняют причину надления митрополитов особыми правами:

Апост. 34: «Епископам всякого народа подобает знать первого (πρῶτον, primus) в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения»⁶.

Антиох. 9: «В каждой области (ἐπαρχία) епископам подобает знать епископа, в митрополии начальствующего и имеющего попечение о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела»⁷.

Таким образом, основанием для выделения второй ступени епископской иерархии является принцип гражданского устройства, в согласии с которым существующие административные центры являются средоточием принятия важных судебных и иных решений. Поэтому выделение первенствующего епископа (архиепископа, митрополита) в той или иной области (провинции, епархии) или у того или иного народа происходит *по формальному принципу*, а не по каким-либо иным основаниям⁸. Впоследствии возникла категория почетных «автокефальных архиепископов», т. е. епископов, выведенных из-под власти митрополита и непосредственно подчиненных патриарху, хотя и не имевших власти над другими епископами⁹.

² См.: Апост. 38, Антиох. 9 и др.

³ См.: Антиох. 9, 16, 19, 20.

⁴ См.: 1 Всел. 4–6; Антиох. 11; Карф. 63.

⁵ См.: Антиох. 9, 20; Апост. 34.

⁶ Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, τῶν τε ἀγίων καὶ πανευφύμων Ἀποστόλων καὶ τῶν ἱερῶν Οἰκουμενικῶν καὶ Τοπικῶν Συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος Πατέρων / Κ. Ῥάλλη, Μ. Ποτλῆ, ἐκ. Αθῆναι, 1852 (Т. 1), 1852 (Т. 2), 1853 (Т. 3). Т. 2. Σ. 45.

⁷ Σύνταγμα κανόνων... Т. 3. Σ. 140–141.

⁸ Выражение «подобает знать» (εἰδέναι χρή) подразумевает, что епископ столичного града должен быть известен как «первый» априори из существующего гражданского порядка.

⁹ Таким был, в частности, архиепископ Новгородский. Восприятие архиепископского сана как почетной награды наложило отпечаток на всю систему титулатуры Русской Церкви. В древней Церкви и Византии собственно архиепископами считались митрополиты и патриархи.

3. В IV в. Империя была разделена на крупные гражданские округа — диоцезы во главе с викариями/экзархами. В этих округах возникла церковно-административная ступень соответствующего уровня — областной собор во главе с епископом центрального города. 2-е правило II Вселенского собора четко разграничивает области юрисдикции «епископов над диоцезами» (τοὺς ὑπὲρ διοικήσιν ἐπισκόπους) восточной половины Империи: в Египетском диоцезе церквами управляет епископ Александрийский; в Восточном диоцезе — «восточные епископы, с сохранением преимуществ Антиохийской Церкви»; в Асийском, Понтийском и Фракийском диоцезах — епископы Асии, Понта и Фракии соответственно¹⁰. Любопытно, что данное правило, устанавливая разграничение между диоцезами, ссылается на никейский канон, в котором речь идет о провинциях¹¹. На этой основе возникли самостоятельные (автокефальные) Поместные Церкви.

Однако границы самостоятельных Церквей не всегда совпадали с границами гражданских диоцезов. В V в. из Восточного диоцеза выделились Церкви Иерусалимская и Кипрская, а три малоазийских диоцеза образовали Церковь Константинопольскую. В западной половине Империи ситуация была еще сложнее. Там несомненно существовали Поместные Церкви, имевшие собственные соборы (например, Африканская)¹², однако полная картина остается не вполне ясной. Во всяком случае традиционное представление о Римском папе как единственном «патриархе Запада» является сильным упрощением. Лишь по мере варваризации западных областей там происходило разрушение местных церковных структур, что усиливало значение Рима¹³.

Наиболее авторитетные архиепископы издавна уважительно именовались «папами» или «патриархами» (букв. «начальниками отцов»). Первый из этих почетных титулов со временем стал традиционным эпитетом епископа Рима, а последний в V–VI вв. закрепился официально за епископами Константинополя, Антиохии и Иерусалима; Александрийский епископ пользуется обоими. Впрочем, никаких дополнительных административных прав эти титулы не предоставляют: и папы, и патриархи являются архиепископами высшего уровня — предстоятелями самостоятельных (автокефальных) Поместных Церквей.

¹⁰ 2 Всел. 2; Σύνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 169–170.

¹¹ В греческом тексте правил Сардикийского собора 343 г. (Сардик. 6. Σύνταγμα κανόνων...Т. 3. Σ. 243) митрополит называется «экзархом провинции (ἑξάρχος τῆς ἐπαρχίας)». В западной церковной традиции обычный церковный округ называется «диоцезом», тогда как на Востоке за ним закрепилось название «епархия».

¹² Любопытно, что один из карфагенских канонов предписывает называть старшего епископа не «экзархом иереев», но просто «епископом первого престола» (Карф. 48 (39)). Титул «примас» (primas) закрепился в западной традиции за старшим по чести митрополитом крупной области. Византийские канонисты отождествляли экзархов и примасов (Σύνταγμα κανόνων...Т. 3. Σ. 404–405; Правила святых Поместных соборов с толкованиями. М., 2000^р. Т. 3. С. 498; *Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta* / J.-B. Pitra, ed. R., 1868. Т. 2. P. 462–463).

¹³ Подробнее см.: *Грацианский М. В.* Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29.

Общеимперской церковной юрисдикции не существовало. Вопросы общегосударственного значения решались на чрезвычайных собраниях всех епископов Империи — так называемых Вселенских соборах, которые созывались императорами и имели, таким образом, уже не исключительно церковный, но церковно-государственный статус.

В качестве технического термина, которым в церковной традиции обозначались особые права главных кафедр, использовалось греческое слово «πρεσβεῖα» (мн. ч. от πρεσβεῖον «старшинство, старейшинство, привилегия, почеть») ¹⁴, которое обычно переводится на русский язык как «преимущества» ¹⁵. Точное значение этого термина и его юридическая природа остаются предметом долгих и подчас весьма острых споров.

Канонические тексты используют понятие «преимущества» (πρεσβεῖα) двояко:

1) как полномочия митрополита, возвышающие его над подчиненными ему епископами;

2) как особый статус двух столичных архиереев, Римского и Константинопольского.

Целесообразно рассмотреть оба этих случая отдельно.

«Преимущества власти» архиепископов

Уже на первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.) была закреплена сложившаяся ранее система церковного управления, в которой епископы крупнейших городов (митрополий) империи обладали административной властью (ἐξουσία) над подчиненными этим центрам провинциальными городами ¹⁶. Основанием для такого рода власти 6-е правило называет «древние обычаи» (τὰ ἀρχαῖα ἔθη), а характер полномочий епископов митрополий описывает как «преимущества» (πρεσβεῖα). Данный никейский канон специально посвящен Александрии, но в качестве аналогичных примеров церковно-административной иерархии упомянуты Рим и Антиохия и вообще говорится об «иных областях» (букв. ἐπαρχίαις, т. е. провинциях). Далее в тексте определяется, что поставление епископа невозможно «без соизволения митрополита». Таким образом, никейское правило еще не отделяет епископов Рима, Александрии и Антиохии от епископов митрополий.

¹⁴ Слово восходит к греч. πρεσβυς (старый, старший), этимология которого остается не вполне ясной (см.: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 3. S. 593). Уже в античности это слово и его производные имели явно политическую коннотацию (ср.: πρεσβυς (вождь); τὸ πρεσβυς (собрание старейшин); ἡ πρεσβεῖα (посольство)). В новозаветном лексиконе термин πρεσβύτερος обозначает «старца, старейшину, предка», т. е. лиц, наделенных авторитетом. Отсюда же традиционное название христианских священников (пресвитеров).

¹⁵ В славянской традиции бытовал перевод «старшинство» (Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич, изд. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1. С. 97).

¹⁶ 1 Всел. 6. Συνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 128.

Для обозначения области юрисдикции митрополитов применялся термин «δίκηα» (букв. «права»). Так, 8-е правило III Вселенского собора в Эфесе (431), определяя неприкосновенность традиционных границ поместных Церквей, предписывает, «чтобы всякая провинция (ἐπαρχία)¹⁷ сохраняла в чистоте и без стеснения от начала принадлежащие ей права (τὰ αὐτῆ προσόντα δίκηα), согласно издревле утвердившемуся обычаю»¹⁸.

«Преимущества чести» столичных кафедр

В 9-м антиохийском правиле о митрополите сказано: «Посему рассуждено, чтобы он и честью первенствовал (καὶ τῆ τιμῆ προηγέσθαι)¹⁹. Тем самым церемониальные прерогативы епископа митрополии представлены как непосредственное следствие его административно-правовых полномочий.

Однако совершенно особой была ситуация с Константинополем.

Как известно, новая столица Империи была построена императором Константином Великим только в 330 г. Во времена Никейского собора на этом месте существовал городок Византий, который входил в гражданскую и церковную провинцию Фракия с центром в Ираклии (древнем Перинфе). Перемещение сюда императорской резиденции, разумеется, повысило значение местного епископа, но формально он оставался всего лишь одним из «суффраганов»²⁰ провинции Фракия, подчиненным митрополиту Ираклийскому. Этот консерватизм церковной традиции вступал в противоречие с духом канонов. Ведь отныне Константинополь стал важнейшим политическим центром, столицей не одного, но всех «народов» Римской империи, куда «стекались все, имеющие дела» из самых отдаленных провинций.

Вполне естественно, что II Вселенский собор, проходивший в 381 г. в самом Константинополе, принял решение возвысить церковный статус Нового Рима. Сложность состояла в том, что Константинополь был столицей Империи, но не диоцеза и даже не провинции. Окрестные кафедры издавна подчинялись своим митрополиям, а те — своим диоцезам (области которых были только что разграничены)²¹. Видимо, поэтому собор в 3-м правиле не определил для епископа новой столицы какой-либо области юрисдикции, ограничившись краткой фразой:

«Константинопольский епископ да имеет преимущества²² чести после Римского епископа, потому что этот город есть Новый Рим»²³.

¹⁷ Обычный русский перевод «епархия» может ввести в заблуждение. Здесь имеются в виду именно права провинциальной митрополии.

¹⁸ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 203–204.

¹⁹ Σύνταγμα κανόνων... Т. 1. Σ. 140.

²⁰ Распространенное в науке название епископов, подчиненных митрополиту и при его избрании обладающих правом голоса (лат. suffragium). Греческий эквивалент — ἐπαρχιώται.

²¹ 2 Всел. 2.

²² В официальном русском переводе закрепилось единственное число: «преимущество» (см.: Правила святых Вселенских соборов с толкованиями М., 2000^р. Т. 2. С. 87).

²³ «Τὸν μὲν τοι Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς μετὰ τὸν τῆς Ῥώμης ἐπίσκοπον, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην» (Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 173).

Точное наполнение данной формулы до сих пор остается предметом дискуссии. Однако следует обратить внимание на то, что выделение столиц империи в церковной сфере явилось полной аналогией процедуры, имевшей место полувеком ранее в сфере гражданской. В 330 г. император Константин на смертном одре предоставил Риму и Константинополю некие «преимущества», о чем сообщают Сократ Схоластик и Созомен:

«И, составив завещание, он разделил власть, как и прежде, между сыновьями, а также дал преимущества, предоставив одни Риму, а другие — городу, носящему его имя»²⁴.

«Он составляет завещание, в котором ставит троих сыновей наследниками царства, в соответствие с тем, как при жизни он распределил им уделы и, предоставив многочисленные преимущества граду римлян и тому, который носит его имя, передает завещание...»²⁵.

Таким образом, представляется вполне очевидным, что закрепленное Вселенским собором «первенство чести» Рима и Константинополя коренилось исключительно в политической сфере, а именно в столичном статусе этих городов.

Реализация «столичных привилегий» Константинополя в церковной сфере натолкнулась на трудности хотя бы потому, что оставалась неясность в отношении принятого для них образца — привилегий старого Рима. До сих пор продолжается активная дискуссия о том, насколько далеко простиралась в то время юрисдикция папы и какие конкретно признавались за ним права.

Ярким примером амбивалентности в понимании привилегий столичных епископов является так называемый закон об Иллирике (421). В ходе пограничных споров между Западной и Восточной частями Римской империи Феодосий II издал эдикт, который предусматривал верховный надзор над епископами провинций Иллирийской префектуры²⁶ со стороны Константинополя. Основанием для этого прямо указывалось то, что этот город пользуется «прерогативами Рима»:

«Августы Гонорий и Феодосий — Филиппу, префекту претория в Иллирике. Пресекая всякое новшество, мы предписываем соблюдать во всех провинциях Иллирика древность и исконные церковные правила, действующие донныне, дабы, ежели возникнет какое-либо недоумение, надлежало бы его предоставить священническому собору и святому суду, не без уведомления честнейшего мужа предстоятеля священного закона во граде Константинополе, пользующемся прерогативами старого Рима»²⁷.

²⁴ «...διαθήκην τε ποιήσας τοῖς μὲν παισὶ διένειμε τὴν ἀρχὴν ὡς πρῶτον, πρεσβεῖα δὲ τὰ μὲν τῇ πρεσβυτέρῳ Ῥώμῃ, τὰ δὲ τῇ ἐπωλύμῳ αὐτοῦ καταλιπὼν ἔδωκε» (*Sozomenus*. *Historia ecclesiastica* II. 34. 2).

²⁵ «...διαθήκας ποιεῖται, ἐν αἷς τοὺς μὲν τρεῖς υἱοὺς κληρονόμους τῆς βασιλείας ἐνίστησι, καθὰ καὶ ζῶν αὐτοῖς τοὺς κλήρους διένειμεν, πολλὰ δὲ τῇ Ῥωμαίων πόλει καὶ τῇ ἑαυτοῦ ἐπωλύμῳ πρεσβεῖα καταλιπὼν τὰς διαθήκας ... παρατίθεται...» (*Socrates Scholasticus*. *Historia ecclesiastica* II. 34. 2).

²⁶ Иллирийская префектура после раздела 395 г. включала диоцезы Дакия и Македония.

²⁷ «Honorius et Theodosius augusti Philippo p.p. Illyrici. Omni innovatione cessante vetustatem et canones pristinos ecclesiasticos, qui nunc usque tenuerunt, et per omnes Illyrici provincias servari

Впоследствии византийские канонисты (хотя и не все) были уверены, что все епископы к западу от Фракии подчинялись папе Римскому, а потому трактовали данную норму как своеобразное двоевластие²⁸. Однако исследователи склонны видеть здесь попытку переподчинения епископов Иллирика от Рима к Константинополю, завуалированную рассуждениями о «незыблемости древних правил»²⁹.

Возвышение Константинополя вызвало негативную реакцию в более древних церковных центрах — Риме, Александрии и особенно Эфесе, кафедра которого славилась апостольским происхождением, но уже при Иоанне Златоусте попала под контроль константинопольского архиерея. Как известно, оба проходивших в Эфесе собора — III Вселенский (431) и «Разбойничий» (449) — не признавали особого церковного статуса Константинополя. И если в 431 г. это еще можно было объяснить тем, что столичный епископ Несторий оказался в Эфесе в качестве обвиняемого в ереси, то последнее место Флавиана Константинопольского на соборе 449 г. выглядело как грубое нарушение канонов (именно так его расценивали спустя два года в Халкидоне — причем не кто иные, как посланцы Рима)³⁰.

Определение области церковной юрисдикции Константинополя

Именно на Халкидонском IV Вселенском соборе (451) установленный 70 годами ранее особый статус константинопольского епископа был не только закреплен, но и получил конкретную область юрисдикции. Ключевой в этом отношении канон — так называемое 28-е правило Халкидонского собора (принятое уже

praecipimus, ut, si quid dubietatis emergerit, id oporteat non absque scientia viri reverentissimi sacrosanctae legis antistitis urbis Constantinopolitanae, quae Romae veteris praerogativa laetatur, conventui sacerdotali sanctoque iudicio reservari» (C.J. I.2.6. // Codex iuris civilis / P. Krueger, ed. B., 1954. Vol. II P. 12).

²⁸ Так трактует эту норму схолия в рукописи Laurent. Plut. V. 22: «Следует знать, что все епископы Иллирика относятся к святейшему Римскому престолу. Однако преблагочестивые законы предоставили столь великую власть Константинопольскому престолу, что предписывают без его ведома не принимать никакого решения в отношении церковного диоцеза в Иллирике». При императоре Юлиане (361–363) Иллирик был временно присоединен к Итальянской префектуре. Видимо, в это время и возникла определенная зависимость иллирийских епископов от власти папы Римского. Характер этой зависимости остается неясен. Судя по эдикту 421 г., «прерогативы» Рима не простирались далее уведомления о решениях, принимавшихся на местных соборах.

²⁹ См.: *Duchesne L. L'Illyricum ecclésiastique* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1892. Bd. 1. S. 531–550; *Ленорский П. И.* История Фессалоникского экзархата до времени присоединения его к Константинопольскому патриархату. СПб., 1901; *Grumel V. Le Vicariat de Thessalonique et le premier rattachement de l'Illyricum oriental au patriarcat de Constantinople* // *Annuaire de l'École des Législations Religieuses*. 1952. P. 49–63; *Сиротенко В. Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирии в 395–425 гг. и ее последствия // *Античная древность и Средние века*. 1972. Т. 8. С. 73–88.

³⁰ На 1-м деянии легат папы Льва I, епископ Пасхазин, сказал: «Вот мы, по воле Божией, считаем господина Анатолия первым, а они [т. е. председатели «Разбойничего» собора] поставили блаженного Флавиана пятым». Диоген, епископ Кизикский, сказал: «Потому что вы знаете каноны» (Деяния Вселенских соборов. М., 1996. Т. 3. С. 71).

после окончания заседаний, несмотря на протест римских легатов) — до сих пор служит объектом разного рода спекуляций, поэтому целесообразно привести его уточненный русский перевод:

«Во всем следуя определениям святых отцов и признавая прочитанное только что правило 150-ти боголюбнейших епископов, собравшихся при благочестивой памяти великом Феодосии в царствующем Константинополе — Новом Риме, и мы определяем и постановляем то же относительно преимуществ (τῶν πρεσβείων) святейшей Церкви сего Константинополя — Нового Рима. Ибо отцы справедливо дали преимущества (εἰκότως ἀποδεδώκασι τὰ πρεσβεῖα) престолу старого Рима, поскольку это царствующий город (διὰ τὸ βασιλεῦεν τὴν πόλιν ἐκεῖνην); движимые той же целью, и 150 боголюбнейших епископов предоставили равные преимущества (τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀλένεϊσαν) святейшему престолу Нового Рима, благоразумно рассудив, чтобы город, удостоенный чести царства и сената (τὴν βασιλεία καὶ συγκλήτῳ τιμηθεῖσαν) и пользующийся равными преимуществами (τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβεῖων) со старым царственным Римом, также и в церковных делах величался, как и тот, будучи вторым после него (ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκεῖνην μεγαλύνεσθαι πράγμασιν δευτέραν μετ' ἐκεῖνην ὑπάρχουσαν). И чтобы только (μόνους) митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также епископы вышеназванных диоцезов у варварских [народов]³¹ (ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων) поставлялись бы вышеуказанным святейшим престолом святейшей Константинопольской Церкви. А именно, провинциальные епископы (τοὺς τῆς ἐπαρχίας ἐπισκόπους) да рукополагаются каждым митрополитом вышеупомянутых диоцезов вместе с провинциальными епископами, как определяется божественными правилами; сами же митрополиты вышеупомянутых диоцезов да рукополагаются, как уже сказано, Константинопольским архиепископом, по проведении согласного избрания по обычаю и его оповещении (ψηφισμάτων συμφώνων κατὰ τὸ ἔθος γινομένων καὶ ἐπ' αὐτὸν ἀναφερομένων)»³².

Принципиально важно, что в качестве основания для предоставления отцами «преимуществ» Риму и Константинополю данное правило прямо называет политический статус этих «царствующих» городов. Кроме того, упомянуты и равные гражданские преимущества старого и нового Рима. Очевидно, что речь идет о тех самых привилегиях, которые предоставил обоим столицам Константин Великий.

³¹ В традиционном русском переводе — «у иноплеменников». Между тем, в греческом выражении «τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους» прилагательное «варварские» относится к опущенному далее слову «народы». Об этом свидетельствует аналогичное выражение во 2-м правиле II Вселенского собора: «τὰς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἔθνεσι τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας» (Σύνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 170).

³² Σύνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 280–281.

Несмотря на громоздкость и некоторую грамматическую неуклюжесть текста 28-го правила, его смысл вполне прозрачен. Уже данное Константинополю «преимущество чести» раскрывалось теперь как «преимущество власти» в строго очерченных рамках: право рукоположения *только* митрополитов (но не епископов!) трех диоцезов, а также епископов *этих же диоцезов* «у варварских народов».

Никаких новых прав Константинополь не получил, скорее наоборот: ведь ранее в Константинополе принимались жалобы на епископов из любых областей империи, не исключая «пап» Римского и Александрийского. Теперь же из-под его контроля выводились не только все иерархи за пределами трех конкретных диоцезов, но даже и епископы-суффраганы митрополий внутри этих диоцезов³³.

Наряду с митрополитами Понта, Азии и Фракии в прямое подчинение Константинополю были поставлены относящиеся к этим диоцезам епископы «варварских» народов. Что за епископы имелись в виду и каким именно образом они относились к диоцезам империи, остается только догадываться. Можно предположить, что речь идет либо о епископах иноплеменников, живших на территории Римской империи на правах политической автономии (федератов), либо о миссионерах, направлявшихся за пределы империи из указанных областей. Византийские канонисты XII в. трактовали этот пункт по-разному. Алексей Аристин видит здесь «епископов варваров» внутри диоцезов (οἱ ἐν ταῖς τοιαύταις διοικήσεσι τῶν βαρβάρων ἐπίσκοποι)³⁴, тогда как Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон подводят под этот канон зависящих от Константинополя епископов стран, соседствующих с данными диоцезами — Алании и Руси:

Зонара: «На константинопольского же епископа это правило возлагает рукоположение епископов для варварских народов, сущих (τοῖς οὖσιν) в указанных областях, каковы суть аланы и росы; ибо первые соседствуют (συμπαράκεινται) с Понтийским диоцезом, а росы — с Фракийским».

Вальсамон: «Епископствами же у варваров можно назвать Аланию, Росию и другие. Ибо аланы — Понтийского диоцеза, а росы — Фракийского»³⁵.

Во всяком случае выражение «варварские народы вышеназванных диоцезов» не дает равным счетом никаких оснований для расширения церковной юрисдикции Константинополя на всю православную диаспору.

Другие каноны того же Халкидонского собора определяют судебные полномочия Константинопольского иерарха. 9-е правило гласит:

«Если же епископ или клирик имеет неудовольствие на митрополита той же

³³ В послании Халкидонского собора папе Льву I говорится: «...издавна имевший силу обычай, которого держалась святая Божия Церковь Константинопольская, — рукополагать митрополитов диоцезов Асийского, Понтийского и Фракийского, — ныне и мы утвердили соборным определением, не столько предоставляя что-либо Константинопольскому престолу, сколько устрояя благочиние в митрополиях (ταῖς μητροπόλεσι τὴν εὐταξίαν πρυτανεύοντες)..., особенно касательно эфесян, которые многократно беспокоили Вас» (Acta Conciliorum Oecumenicorum / E. Schwartz, ed. V., 1935. Т. II/3/1. Р. 116 [475]; Деяния... Т. 4. С. 168).

³⁴ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 286.

³⁵ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 283, 285.

провинции³⁶, да обращается к экзарху диоцеза³⁷ или к престолу царствующего Константинополя и пред ним да судится»³⁸.

Эта же норма повторяется в 17-м правиле³⁹. Характерно, что собор умалчивает об аналогичных правах других престолов. Византийские канонисты понимали 9-е и 17-е халкидонские правила таким образом, что другие патриархи в них упоминаются под именем «экзархов диоцезов»⁴⁰. При этом, согласно Алексею Аристину, патриарх Константинополя, апелляция к которому понимается как альтернатива апелляции к экзархам, оказывается наделен уникальными полномочиями судить митрополитов не только в своей области юрисдикции, но и из других патриархатов⁴¹.

Однако такое понимание халкидонских канонов не является ни необходимым, ни общепринятым. Разумеется, титул патриарха в середине V в. еще не считался официальным и не употреблялся в соборных правилах. Однако назвать «экзархом диоцеза» собор в строгом смысле слова мог только патриарх Александрийского: Антиохийский и Иерусалимский делили между собой Восточный диоцез и, соответственно, не могли быть названы его экзархами. Но именно Александрийский патриарх и не может здесь иметься в виду: ведь в его подчинении не было митрополитов (такова была особенность церковной организации Египта). Следовательно, данное правило не носит универсального характера, а описывает конкретную ситуацию: утверждение юридической стороны прав Константинопольского престола, административный аспект которых описан в 28-м правиле. На переходном этапе право суда над митрополитами предоставлено на равных Константинопольской кафедре и архиепископам столиц трех вошедших в ее юрисдикцию диоцезов — Кесарии Каппадокийской (Понт), Эфеса (Асия) и Ираклии (Фракия). Характерно, что митрополиты этих городов до сих пор сохраняют в своих титулах сан «экзархов» соответствующих областей. В дальнейшем экзархи утратили канонические привилегии, и единственным судьей над митрополитами своих трех диоцезов остался патриарх Константинопольский⁴². Именно в таком смысле — как указание на некогда действовавшие,

³⁶ В официальном русском переводе — «на митрополита области». См., например: Правила... С. 181. Важное уточнение «τῆς αὐτῆς» («той же») оказалось опущено.

³⁷ В официальном русском переводе — «великия области». См., например: Правила... С. 181.

³⁸ «Εἰ δὲ πρὸς τὸν τῆς αὐτῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην ἐπίσκοπος ἢ κληρικὸς ἀμφισβητοίη, καταλαμβάνετω τὸν ἑξάρχον τῆς διοικήσεως ἢ τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον, καὶ ἐπ' αὐτῷ διαζέσθω» (Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 237).

³⁹ «Εἰ δὲ τις ἀδικοῖτο παρὰ τοῦ ἰδίου μητροπολίτου, παρὰ τῷ ἑξάρχῳ τῆς διοικήσεως, ἢ τῷ Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ διαζέσθω, καθὰ προείρηται» (Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 258).

⁴⁰ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 238, 240.

⁴¹ «Этого преимущества, то есть чтобы митрополит, состоящий под властью одного патриарха, был судим другим, ни правилами, ни законами не дано ни одному из прочих патриархов, кроме Константинопольского» (Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 240).

⁴² Скорее всего, именно незнакомством с данным институтом объясняется перевод в древнейшей славянской кормчей слов «экзарх диоцеза» малопонятным «начальник строения» (Древне-славянская кормчая... Т. 1. Вып. 1. С. 117).

но впоследствии исчезнувшие юридические права митрополитов диоцезов — понимает данное правило Феодор Вальсамон⁴³.

Но даже если понимать под «экзархами диоцезов» других патриархов, текст правила не обязывает трактовать союз «или» как право выбора между ними и Константинополем. Проще допустить, что речь идет о двух вариантах названия высшей апелляционной инстанции: старом (экзарх диоцеза) и новом (престол Константинополя, получивший в подчинение сразу три диоцеза). Во всяком случае, было бы странно, если бы собор отрывал административные полномочия от судебных и подчинил суду Константинополя митрополитов, которые рукоположены другими патриархами. Иоанн Зонара специально разъясняет:

«Но не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему. Ибо он не может привлечь к своему суду митрополитов Сирии, или Палестины и Финикии, или Египта против их воли; но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского патриарха, палестинские — суду патриарха Иерусалимского, а египетские должны судиться у патриарха Александрийского, от которых они принимают и рукоположение и которым именно и подчинены»⁴⁴.

От преимуществ к первенству

Естественно предположить, что греческое слово *πρωτεύειν* как в канонах, так и в упоминавшемся распоряжении Константина отражает некий латинский юридический термин. Тем примечательнее, что в латиноязычной канонической традиции перевод слова *πρωτεύειν* не отличается единообразием. Так, в 6-м никейском правиле две древние латинские версии дают «*primatus*» (кодекс Ингильрама IV в. и т. н. *Isidoriana antiqua* V в.), одна — «*jura*» (перевод Цецилиана Карфагенского 419 г.), три — «*privilegia*» (перевод, присланный в Карфаген в 419 г. Атикком Константинопольским; т. н. *Versio Prisca*, около 500 г.; перевод Дионисия Малого, нач. VI в.); имеются, наконец, варианты «*praerogativa*» (*Versio Gallica*) и «*honor*» (т. н. версия Исидора)⁴⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что уже в самых древних латинских версиях переводчики использовали вариант «*primatus*» — «первенство». Более того: уже в V в. на Западе получила широкое хождение специфическая интерпретация начала данного правила, зафиксированная в кодексе Ингильрама: «*Ecclesia Romana semper habuit primatus*» — «Римская Церковь всегда обладала первенством». Именно в такой форме цитировали никейский канон легаты Льва I на Халкидонском соборе: «*Ἡ ἐκκλησία Ῥώμης πάντοτε ἔσχεν τὰ πρωτεία*»⁴⁶. Характерно, что в некоторых сборниках само 6-е правило имеет «лаконичный»

⁴³ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 239–240.

⁴⁴ Σύνταγμα κανόνων... Т. 2. Σ. 260.

⁴⁵ *Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima*. Т. I/2. Oxonii, 1904. P. 120–121, 196–197, 260.

⁴⁶ *Acta*... Т. II/1/3. P. 95 (454).

заголовок: «О первенстве Римской Церкви»⁴⁷. И это притом, что, во-первых, речь в правиле идет в первую очередь об Александрии, а «первенство» наряду с Римом и Антиохией дается всем вообще митрополитам!

Такой смысловой «дрейф» красноречиво свидетельствует о существенном изменении отношения к статусу Римской кафедры уже в первые века господства христианства в Римской империи. В V в. она уже определенно воспринимается на латинском Западе не просто как одна из митрополий. Аналогичные процессы протекали и на Востоке — но уже в отношении Константинополя.

Указ Зинона 477 г.

В 475 г. пришедший к власти после свержения Зинона узурпатор Василиск, пытаясь заручиться поддержкой влиятельной антихалкидонитской партии, вернул из ссылки ее лидера, александрийского архиепископа Тимофея Элура, и отменил все решения Халкидонского собора — в т. ч. и 28-е правило — в своем Окружном послании (т. н. Энциклионе)⁴⁸. Вскоре Василиск начал терять почву под ногами и, идя на встречу требованиям вставших на защиту собора константинопольцев, отменил свое распоряжение. В тексте нового документа особо оговаривалось возвращение столичному «патриарху и архиепископу Акакию» права хиротонии епископов⁴⁹.

Анти-Энциклион не помог Василиску, и на престол вернулся Зинон. 17 декабря 477 г. он издал закон, отменявший все нововведения узурпатора в церковной сфере. О важности этого документа говорит его включение в состав Кодекса Юстиниана⁵⁰:

«Зинон август — Севастиану, префекту претория.

Определяем, чтобы всё то совершенно устаревшее и необоснованное, что было сделано против Самого Бога православной религии, было восстановлено во всей полноте и было возвращено к своему порядку прежде отшествия нашей кротости⁵¹ твердо соблюдавшееся в отношении веры православной религии и положения святейших Церквей и мучеников. Те нововведения со стороны тирании того времени⁵², как против тех чтимых Церквей, чьим священством ведает блаженнейший и благоговейнейший епископ, патриарх нашего благочестия (*patriarcha nostrae pietatis*) отец Акакий, так и других, которые находятся по различным провинциям, а также и их почтеннейших предстоятелей — либо в отношении права поставления священников (*de iure sacerdotalium creationum*) или совершенного кем бы то ни было в те времена извержения какого-либо епископа, либо в отношении прерогативы председательства прежде других на епископском соборе или

⁴⁷ «De primatu ecclesiae Romanae» (*Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima. Oxonii, 1904. Т. I/2. P. 121, 167*).

⁴⁸ *Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica* III. 5.

⁴⁹ *Ibid.* III. 7. Это один из первых примеров официального употребления титула «патриарх».

⁵⁰ С. J. I.2.16 (*Codex... Vol. II. P. 14*).

⁵¹ Речь идет о бегстве Зинона из Константинополя после переворота 475 г.

⁵² Т. е. в правление Василиска (475–476).

вне собора (*de praerogativa in episcoporum concilio vel extra concilium ante alios residendi*), или в отношении привилегии митрополичьей или патриаршей (*de privilegio metropolitano vel patriarchico*) в те же нечестивые времена — считать совершенно устаревшим, как кассированное и отмененное, то, что проведено такого рода преступными распоряжениями, прагматическими санкциями или нечестивыми конституциями или указами; а то, что было разрешено или утверждено божественной памяти прежними принцепсами до нашего империя, а затем и нашей кротостью для святых Церквей и мартирьев и благоговейных епископов, клириков или монахов — сохранялось нерушимо.

Святейшей же Церкви сего благоговейнейшего града, матери нашего благочестия и всей православной христианской религии (*matrem nostrae pietatis et christianorum orthodoxae religionis omnium*), и святейшему престолу этого же города присуждаем и указываем твердо обладать в будущем всеми привилегиями и почестями (*privilegia et honores*) в отношении поставления епископов (*super episcoporum creationibus*) и правами председательства (*iure ante alios residendi*) прежде других и всем иным, что, как известно, имелось у него как у царственного города (*regiae urbis intuitu*) прежде нашего империя либо в наше императорство».

Для рассматриваемой нами темы принципиально важно, что в данном законе достаточно четко обозначены рассмотренные выше аспекты полномочий Константинопольского патриарха (как, впрочем, и других патриархов и митрополитов):

1) административное право поставления и низложения подчиненных епископов (*ius sacerdotalium creationum, episcoporum creatio, expulsio cuiusquam episcopi*);

2) церемониальное право председательства (*praerogativa/ius ante alios residendi*) и прочие «митрополичьи или патриархии привилегии».

При этом, как и в канонах, все эти «привилегии и почести» считаются результатом столичного статуса «царственного града».

В конце указа Константинопольская Церковь названа ни много ни мало «матерью нашего благочестия и всей православной христианской религии». В данном конкретном случае это можно понимать как аллюзию на недавнюю победу над евтихианской ересью монофизитства, одержанную при активном участии Константинополя. Но в скором будущем пышные эпитеты станут обычными для Нового Рима, оставшегося после 476 г. единственной столицей Империи.

Законы Юстиниана и эпитет «Вселенский»

Юстиниан I Великий (527–565) уделял, как известно, пристальное внимание самым разным аспектам организации церковной жизни⁵³. В частности, его немалыми усилиями старый Рим был вновь возвращен под власть императора, что явилось не столько военно-политическим, сколько идеологическим дости-

⁵³ См.: *Геростергиос А.* Юстиниан Великий — император и святой / Прот. М. Козлов, пер. М., 2010.

жением императора. Главные религиозные «смутьяны» того времени — антихалкидониты — возбуждали народ, указывая на падение захваченного варварами «Вечного города» как на небесную кару за «Томос» Льва и Халкидонский собор и выставляя это событие знамением конца Римской империи и пришествия антихриста⁵⁴. Очевидно, именно по этой причине император откладывал созыв V Вселенского собора до того момента, пока Рим не окажется под прочным контролем Империи (это произошло лишь в августе 552 г.).

Следуя своей линии на отстаивание православного учения, принятого в Халкидоне, Юстиниан всячески подчеркивал высший церковный авторитет папы Римского — на которого император рассчитывал опираться в своей церковной политике⁵⁵. Однако одновременно с идеологическим превознесением Рима именно при Юстиниане происходит значительное усиление значения патриарха Константинопольского. В документах он начинает регулярно титуловаться амбициозным эпитетом «вселенского» (οἰκουμενικός), а Константинопольская кафедра получает название «Великой Церкви» (μεγάλη ἐκκλησία). Например, эдикт Юстиниана от 530 г. начинается следующей преамбулой:

«Епифанию, архиепископу благополучного Города и вселенскому патриарху. Совершая попечение обо всех церковных делах и, особенно, о том, что относится к святейшей Великой Церкви сего благополучного града, нашей и всеобщей матери (τῆ ἡμετέρῃ καὶ πάντων μητρὶ), которая есть глава всех прочих (ἥτις κεφαλὴ ἐστὶ τῶν ἄλλων πασῶν), мы постановляем ...»⁵⁶.

История возникновения и распространения эпитета «вселенский» остается малоизученной. Между тем очевидна его связь с названием общеимперских соборов, собиравших епископов со всей «вселенной» (οἰκουμένη, orbis terrarum), как было принято величать Римскую империю (которая, как считалось, объединяет весь цивилизованный мир). Первым случаем его употребления — еще неофициального — считается обращение епископа Олимпия Эваского (из Эфесской митрополии) к патриарху Диоскору на т. н. 2-м Эфесском («Разбойничьем») соборе 449 г.: «...вселенский архиепископ великого города Александрии»⁵⁷. В материалах Халкидонского собора александрийские клирики Феодор, Исхирион и Афанасий в своих жалобах на Диоскора величают «святейшим и блаженнейшим вселенским архиепископом и патриархом великого Рима» папу Льва⁵⁸.

⁵⁴ Именно Римское государство считалось тем «удерживающим» (κατέχων, qui nunc tenet), который препятствует приходу антихриста (2 Фесс 2. 7). Так считали Тертуллиан, Лактанций, Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский и многие другие богословы. В связи с этим лидер антихалкидонитов Тимофей Элур (ум. 477) писал о своих противниках: «Именно в этом отречении свершилось слово Апостола: вот и приходит к концу господство Римской империи, чего никогда не случалось с Римом с тех пор, как стал он господствовать, но что случилось ныне. Он совершил большой грех, а именно — нечестие по отношению к Богу и отступничество, уклонившись на путь нечестия, каковое именуется письмом Льва, и дойдя по нему до того, что мы ныне видим и знаем о нем» (Jean Rufus, évêque du Maïouma. Plérophories / F. Nau, ed., trans. P., 1912. P. 152; перевод фрагмента любезно предоставил М. В. Грацианский).

⁵⁵ См., напр., эдикт 533 г. и 131-ю новеллу от 545 г. (Codex... Vol. II. P. 8; Vol. III. P. 655).

⁵⁶ С. J. I. 2. 24.

⁵⁷ Деяния... Т. 3. С. 168.

⁵⁸ Там же. С. 239, 241, 244, 246.

Официально титул «вселенский патриарх» начинает регулярно употребляться с 518 г. к Константинопольскому патриарху Иоанну II — тому самому, при котором было восстановлено почитание Халкидонского собора и общение с Римом. В процессе соединения Церквей активно участвовал молодой Юстиниан, тогда еще просто племянник императора Юстина I, поэтому есть основания предполагать его причастность к введению этого титула в официальный обиход. Однако очевидно, что это вовсе не подразумевало признания за Константинопolem общеимперской церковной юрисдикции: скорее это была своеобразная реакция на слишком далеко идущие претензии папы Римского. Некоторый свет на этот вопрос проливает 109-я новелла (541 г.), где, в частности, сказано:

«Еретиками же ... мы называем тех, кто принадлежит к различным ересям ... и вообще всех, кто не суть члены святой Божией кафолической и апостольской Церкви, в которой все святейшие патриархи всей вселенной (οἱ ἀγιώτατοι λάσσης τῆς οἰκουμένης πατριάρχαι) — и западного Рима, и сего царственного града, и Александрии, и Теуполя⁵⁹, и Иерусалима, и все подчиненные им преосвященнейшие епископы — согласно возглашают апостольскую веру и предание»⁶⁰.

Здесь явственно вырисовываются контуры церковно-политической программы Юстиниана, по которой из всего епископата империи выделяются пять «вселенских», т. е. общеимперских, патриархов, которые, по аналогии с Вселенскими соборами, признаются в качестве хранителей чистоты православной веры и церковного предания. Впоследствии эта концепция получила известность под названием «пентархии»⁶¹. Патриарший титул был выражением церковного авторитета, но не означал какого-то высшего уровня иерархии, которому были бы подчинены все прочие епископы. Наряду с патриархатами существовали и другие самостоятельные Поместные Церкви, например Кипрская или архиепископия Первой Юстинианы, независимый статус которой был определен Юстинианом в 535 г.⁶²

«Первенство чести» столичных епископов было утверждено 131-й новеллой Юстиниана от 545 г.:

«Вышеупомянутых святых 4-х соборов и догматы мы принимаем как Священное Писание, и правила соблюдаем как законы. И потому мы постановляем, в соответствии с их определениями, что святейший папа старшего Рима есть первый из всех иереев, а блаженнейший архиепископ Константинополя — Нового Рима занимает вторую степень (δεύτεραν τάξιν ἐλέχειν) после святейшего апостольского престола старшего Рима, но почитается выше всех других (τῶν δὲ ἄλλων πάντων προτιμάσθαι)»⁶³.

⁵⁹ Название Антиохии после восстановления Юстинианом от разрушительного землетрясения 526 г.

⁶⁰ Codex... Т. 3. Р. 518.

⁶¹ См.: *Peri V. La pentarchia: Istituzione ecclesiale (IV–VII sec.) e teoria canonico-teologica* // Bisanzio, Roma e l'Italia nell'alto medioevo (Spoleto, 3–9 aprile 1986). Spoleto: La Sede del CIAM, 1988. Т. 1. Р. 209–318; *Gahbauer F. R. Die Pentarchietheorie: Ein Modell der Kirchenleitung von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Frankfurt am Main, 1993.

⁶² Nov. 11. Codex... Т. 3. Р. 94.

⁶³ Codex... Т. 3. Р. 655.

Концепция пентархии во главе с Римом и Константинополем была канонически оформлена в 692 г. на Трулльском соборе, состоявшемся как продолжение VI Вселенского. Его 36-е правило гласит:

«Возобновляя законоположенное ста пятьюдесятью святыми отцами, собравшимися в сем богохранимом и царствующем граде, и шестьюстами тридцатью, собравшимися в Халкидоне, определяем, чтобы престол Константинопольский пользовался равными преимуществами с престолом старшего Рима и как тот величался в делах церковных, будучи вторым по нем; после же оно да числится престол великого града Александрии, потом Антиохийский, а за сим — града Иерусалимского»⁶⁴.

Здесь, как и в 28-м халкидонском правиле, термин «преимущества» не сопровождается дополнением «чести». Но сомневаться в том, что речь здесь идет именно о почестях, не позволяет, во-первых, тот же, что и там, глагол *μεγαλύνεσθαι* — «величаться», т. е. удостаиваться величайшей чести, а во-вторых, упоминание далее других кафедр. При этом именно наличие в данном правиле всех пяти патриархатов не позволяет понимать халкидонское выражение «как и тот, будучи вторым» в темпоральном смысле: будто бы Константинополь назван здесь «вторым после Рима» по времени, но не по статусу — трактовка, имевшая хождение в византийскую эпоху⁶⁵.

Эпитет «вселенского» чаще всего применялся к архиепископам Константинополя и, реже, папам Римским (против чего те, кстати, резко возражали)⁶⁶. Однако теоретически эпитет «вселенских» считался приложимым ко всем пяти патриархам — в полном согласии с концепцией «пентархии». В частности, в предисловии к «Хронографии» Феофана Исповедника (начало IX в.) этот известный писатель и церковный деятель, близкий к патриаршей канцелярии, сообщает, что будет указывать в своем сочинении не только годы царствования, но и годы правления «архиереев великих и вселенских престолов (*τῶν μεγάλων καὶ*

⁶⁴ «Ἀνανεούμενοι τὰ παρὰ τῶν ἑκατὸν πενήκοντα ἁγίων Πατέρων, τῶν ἐν τῇ θεοφυλάκτῳ ταύτῃ καὶ βασιλίδι πόλει συνελθόντων, καὶ τῶν ἑξακοσίων τριάκοντα, τῶν ἐν Χαλκηδόνι συναθροισθέντων νομοθετηθέντα, ὀρίζομεν, ὥστε τὸν Κωνσταντινουπόλεως θρόνον τῶν ἴσων ἀπολαύειν πρεσβείων τοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης θρόνου καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἑκεῖνον μεγαλύνεσθαι πράγμασι, δεύτερον μετ' ἑκεῖνον ὑπάρχοντα, μεθ' ὃν ὁ τῆς Ἀλεξανδρέων μεγαλοπόλεως ἀριθμείσθω θρόνος, εἶτα ὁ Ἀντιοχείας, καὶ μετὰ τοῦτον ὁ τῆς Ἱεροσολυμιτῶν πόλεως» (Σύνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 387).

⁶⁵ Ее отстаивает Алексей Аристин (Σύνταγμα κανόνων...Т. 2. Σ. 176, 387–388), но опровергает Иоанн Зонара (Ibid. Σ. 173–174). На стороне Зонары и Феодор Вальсамон, который в подтверждение более низкого, чем Рим, положения Константинополя ссылается, ни много ни мало, на «Константинов дар» (Ibid. Σ. 174–176).

⁶⁶ Так, папа Григорий I писал в послании к Евлогию Александрийскому (598 г.): «Ни ко мне, ни к кому другому не следует писать — тем более в предисловии, — как ты написал мне, назвав высокомерным именем «вселенского папы». Я прошу твою сладчайшую святость не обращаться ко мне более таким образом, ибо то, что дается другому сверх должного, вычитается от тебя самого... Долой слова, надмевающие честолюбие и уязвляющие любовь!» (Gregorii epistula VIII. 29 // MGH. Epistolae. В., 1899. Т. 2. S. 31).

οἰχομενικῶν θρόνων), а именно Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского»⁶⁷.

Любопытным примером устойчивости и общеизвестности этой традиции является Уложенная грамота собора 1589 г. об учреждении в России патриаршего престола, где возведение в патриарший сан Иова Московского, совершенное константинопольским патриархом Иеремией II, описывается следующими словами:

«... избраниемъ твоимъ, пресвятѣйшого Еремѣя Архіепископа Костянтинополя, Новаго Рима, і вселенского Патріярха, и прочихъ вселенскихъ Патріархъ, Александрѣиского, Аонтиохіиского, Іерусалимского і всего собора Греческого»⁶⁸.

Номоканон Фотия: «Константинополь — глава всех Церквей»

В VII–VIII вв. Римская империя пережила острейший военно-политический кризис, в ходе которого ее территория многократно уменьшилась. К IX в. под контролем Константинополя осталась только Малая Азия и отдельные области в Европе. Четыре из пяти патриарших престолов оказались за пределами Империи, что не могло не сказаться на статусе оставшегося единственным Константинопольского патриархата.

Поскольку теперь все епископы оказались в подчинении Константинополя, неудивительно, что он стал восприниматься не только как столица Империи, но и как «глава всех Церквей». Удивительнее то, что основание для такого понимания пытались находить в древних канонических и законодательных нормах.

Важнейший церковно-юридический памятник византийской эпохи, Номоканон XIV титулов в редакции патриарха Фотия (880 г.), в 5-й главе 1-го титула, озаглавленной «О патриархах и митрополитах и так называемых примасах в Африке», при указании на соответствующие законы говорится:

«О чине патриархов и даваемом за хиротонию от них и прочих епископов, и о том, что главой всех церквей является Константинополь (ὅτι πιασὼν τῶν ἐκκλησιῶν κεφαλὴ ἐστὶν ἡ Κωνσταντινούπολις), читай 1-ю книгу Кодекса, титул 1, раздел 7; титул 2, разделы 6, 20 и 24; а также 1-й титул Новелл, раздел 2, и титул 2, раздел 3. А 16-й раздел 2-го титула 1-й книги [Кодекса] говорит, что Константинополь имеет председательство над всеми (ἔχει τῶν ἄλλων προεδρίαν)»⁶⁹.

Рассмотрим, какие же нормы здесь указываются.

С.Ј. I.1.7 — послание Юстиниана I к патриарху Епифанию от 533 г., посвященное разъяснению знаменитого «Эдикта о вере». В нем ни слова не сказано

⁶⁷ *Theophanes Confessor. Chronographia. Prooemium. P. 3.*

⁶⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 97.

⁶⁹ *Juris... T. 2. P. 462–463; Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2. С. 55.*

о главенстве Константинополя, зато нарочито подчеркивается авторитет папы Римского⁷⁰.

С.Ж. I.2.6 — упомянутый выше эдикт Феодосия II об Иллирике. В нем лишь фиксируется равенство церковных прерогатив Рима и Константинополя.

С.Ж. I.2.16 — уже известный нам указ Зинона; в нем сказано о праве «председательства на соборе или вне собора прежде других», но без прибавки «всех»; более того, по контексту ясно, что имеются в виду обычные привилегии любого патриарха или митрополита.

С.Ж. I.2.20 — распоряжение Юстиниана I о запрете передачи анноны церквям, клирикам или монастырям; здесь нет ни слова о статусе Константинополя.

С.Ж. I.2.24 — закон Юстиниана на имя патриарха Епифания о порядке распоряжения имуществом Константинопольской Церкви; в преамбуле император называет «святейшую Великую Церковь» столицы «нашей и всеобщей матерью, которая есть глава всех прочих (ἡ τις κεφαλὴ ἐστὶ τῶν ἄλλων πασῶν)»⁷¹.

Nov. 123 — закон Юстиниана от 546 г. «О различных церковных вопросах»⁷². Во всем пространном тексте этой новеллы можно встретить лишь пару указаний на статус патриарха Константинопольского: в одном месте он просто упоминается в ряду прочих четырех патриархов, в другом — к нему предписано являться приезжающим в столицу епископам, «к каком бы диоцезу они не принадлежали», чтобы он ходатайствовал за них об императорской аудиенции.

Nov. 131 — вышеупомянутая новелла о церковных канонах и привилегиях от 545 г., подтверждающая почетный церковный статус Константинополя сразу после Рима.

Как видим, ни один из этих документов не дает оснований называть Константинополь «главой всех Церквей» в общехристианском масштабе. На подобный статус он имел право только в границах Византии IX в. Однако, как мы увидим ниже, притязания столицы Империи простирались далее.

В законодательном своде, составленном примерно в это же время и, судя по всему, при участии того же патриарха Фотия — т. н. Исагоге (885 г.) — в 3-м титуле мы читаем:

9. Константинопольский престол, украшенный царством, провозглашен первым (πρῶτος) соборными решениями, следуя которым и божествен-

⁷⁰ Император пишет патриарху буквально следующее: «Ибо мы, обнаружив, что некоторые чужды святой Соборной и Апостольской Церкви, ибо следуют заблуждению нечестивых Нестория и Евтиха и прибегают к их богохульствам, ранее издали божественный эдикт, который знает и твоя святость, посредством которого мы обличили безумие еретиков, ничуть не изменив, не изменяя и не преступив господствующего доселе с помощью Божией церковного положения, как это известно и твоему блаженству, но во всём сохраняя состояние единства святейших Церквей со святейшим папой и патриархом старшего Рима, которому мы написали подобное этому. Ибо мы не допускаем, чтобы нечто из того, что касается церковного порядка, не было бы донесено до его блаженства, как являющегося главой всех святейших Божиих иереев и поскольку всякий раз, когда в сих местах являлись еретики, они упразднялись согласно мнению и правильному суду того досточтимого престола» (Codex... Vol. 2. P. 8).

⁷¹ Codex... Vol. 2. P. 17.

⁷² Codex... Vol. 3. P. 593–625. Комментированный перевод этого важного текста: *Максимович К. А.* Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах»: Перевод и комментарий // Вестник ПСТГУ. Сер. I. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54.

ные законы предписывают выносить на его рассуждение и решение споры, возникающие и в областях других престолов (τὰς ὑπὸ τοὺς ἑτέροισι θρόνοισι γινόμενας ἀμφισβητήσεις).

10. Попечение и забота обо всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквях, равно как и суд, осуждение и освобождение от наказания принадлежит местному патриарху. Константинопольскому же предстоятелю позволено также даровать ставропигии и в епархиях (ἐνορίας) других престолов, где не бывало прежде освящения храма, а равно и расследование, исправление и окончательное вынесение суждения по спорам, происходящим у других престолов (ἐν τοῖς ἄλλοις θρόνοις)⁷³.

Таким образом, Константинопольскому патриарху усваивается право вторгаться в определенных случаях в область канонической юрисдикции других Церквей. И делается это лишь на том основании, что он «провозглашен первым» на Вселенских соборах. Очевидно, что такая метаморфоза в понимании природы первенства могла произойти лишь под влиянием неких обстоятельств. Есть основания предположить, что основным обстоятельством стало острое противостояние с Римом, разгоревшееся во времена Фотия. Столкнувшись с претензиями папы на право главенства над всеми епископами мира, патриарх Фотий выдвинул в качестве контрмеры идею главенства Константинополя.

Особенно остро соперничество Рима и Константинополя протекало в т. н. болгарском вопросе. Согласившись на принятие христианства, могущественный князь Болгарии Борис стал выяснять приоритет окружавших его страну церковных традиций. В этой связи Рим в лице папы Николая I развил целую пропагандистскую кампанию против Константинополя. В своих «Ответах на вопросы болгар» (866 г.) папа заявил, что «Константинопольскую Церковь не основывал никто из апостолов, о ней не упомянул Никейский собор, который является наиболее знаменитым и чтимым из всех соборов; но только из-за того, что Константинополь был назван Новым Римом, скорее по благоволению императоров, нежели по разумным основаниям, его архиерей был назван патриархом». Вторым после папы — «как гласят никейские каноны, что отстаивают святые римские предстоятели и чему учит сам здравый смысл» — должен следовать патриарх вовсе не Константинополя, а Александрии⁷⁴.

О реакции на эту линию мы знаем из «Книги против греков» того же Николая I (867 г.), где папа с негодованием пересказывает полученное им послание Михаила III. Император заявлял, что поскольку императорская власть перешла из Рима в Константинополь, то и первенство (primatus) Римской кафедры переместилось (transmigasse) на Константинопольскую Церковь, и вместе с царскими почестями перенесены были и привилегии (privilegia) Римской Церкви⁷⁵.

Константинополь явно выдвигается вперед в приписываемом (скорее всего, ложно) Фотию небольшом полемическом трактате под названием «К говорящим, что Рим есть первый престол». Среди других — подчас весьма остроумных — ар-

⁷³ Epanagoge III. 9–10 // Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditoreum / G. E. Zachariae a Lingenthal, ed. Lipsiae, 1852. P. 68.

⁷⁴ Nicolai papae I Responsa ad consulta Bulgarorum // PL 119. Col. 1011–1012.

⁷⁵ PL 121. Col. 226–228.

гументов автор этого сочинения дает экскурс в историю соборных правил, общая, в частности, что 4-й Вселенский Собор «предпочел всем (προχρίνει πᾶσι) Константинополь» и дал константинопольскому архиерею право апелляции на решения других (μᾶλλον τὰς ἑτέρων χρίσεις ἐξετάζειν ἀλένειμε)⁷⁶.

В том же духе выдержана схолия к 28-му халкидонскому правилу, датированная тем же IX веком:

«Следует знать, что Церковь в Константинополе назвали второй потому, что тогда и старший Рим царствовал. Таким образом, если, как говорит сам сей святой Собор, отцы дали преимущества Риму ради царства, а ныне по благоволению Божию царствующий град только один, справедливо он и считается первым (εἰκότως αὕτη καὶ τὴν προτέραν κέκτηται)»⁷⁷.

«Первый раунд» полемики с Римом окончился, как известно, примирением: в X в. Константинополь не только не претендовал на примат, но даже принял патриарха, поставленного папскими легатами⁷⁸. Во время кризиса XI в., окончившегося окончательным разрывом, тема первенства Константинополя практически не поднималась. «Исагога» так и не стала в Византии общепринятым законом (хотя отдельные ее нормы успели разойтись по юридическим текстам)⁷⁹. Тем не менее представление о главенстве «вселенского патриарха» над всем христианским миром успело закрепиться в византийской политической идеологии. В XII в. Анна Комнина писала в «Алексиаде» по поводу жестокой расправы папы Григория VII со своими противниками:

«Незачем доказывать его варварскую свирепость и то, что людские нравы с течением времени становятся все более дерзкими и злыми. Достаточно уже того, что я не решаюсь поведать даже о малой доле содеянного им. И это — о праведность! — сделал архиерей, и первенствующий архиерей, являющийся предстоятелем над всей вселенной (πρώτου ἀρχιερέως καὶ προκαθημένου τῆς οἰκουμένης ἀπάσης γενομένου), как говорят и думают латиняне — и это еще одно проявление их наглости. Ведь когда скипетр был перенесен отсюда к нам в наш царственный город, а с ним и сенат вместе со всем чином, — перенесен был и архиерейский чин престолов (μεταπέλτωξε καὶ ἡ τῶν θρόνων ἀρχιερατικὴ τάξις). И с тех пор императоры дали преимущества (τὰ πρεσβεῖα) Константинопольскому престолу, а Халкидонский Собор, возведя Константинопольского [архиепископа] на самое первое место (εἰς

⁷⁶ Σύνταγμα κανόνων. Т. 4. Σ. 412. См.: *Россейкин Ф. М.* Восточный папизм в IX в. // Богословский вестник. 1915. Ч. 24. Т. 2. № 7–8. С. 405–438, здесь: 421–425.

⁷⁷ «Δεῖ εἶδέναι ὡς διὰ τοῦτο δευτέραν τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐκκλησίαν ὀνόμασαν, ἐπειδὴ τότε καὶ ἡ πρεσβυτέρα ἐβασίλευε Ῥώμῃ. Εἰ τοίνυν καθά φασιν ἡ ἅγια αὕτη σύνοδος, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν Ῥώμην οἱ πατέρες τὰ πρεσβεῖα δεδώκασιν, μόνῃς νῦν εὐδοκίᾳ θεοῦ ταύτης τῆς βασιλευούσης, εἰκότως αὕτη καὶ τὴν προτέραν κέκτηται» (Древне-славянская кормчая... Т. 2. С. 58). О полемике, развернувшейся вокруг этого вопроса на страницах славянских кормчих, см.: *Максимович К. А.* Спор о первенстве «старого» и «нового» Рима в славянском мире: («папистические» схолии в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ, 2005 г. М., 2005. Т. 1. С. 370–378.

⁷⁸ Феофилакт в 933 г.

⁷⁹ См.: *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 176–181.

περιωπλὴν πρωτίστην), подчинил ему все диоцезы вселенной (τὰς ἀνὰ τὴν οἰκουμένην διοικήσεις ἀλάσας ὑπὸ τοῦτον ἐτάξατο)⁸⁰.

Взгляды дочери Алексея I Комнина разделял и внук этого императора, Мануил I. Согласно «Священному всеоружию» Андроника Каматира (1170 г.), во время богословского диспута с кардиналами император, услышав от них традиционные для посттригорианского папства сентенции об «апостольской кафедре св. Петра — матери всех Церквей», опроверг безосновательность притязаний Рима на некое уникальное апостольское наследие и далее заявил:

«Итак из самой очевидности вещей мы узнаём, что не по признаваемой вами причине, но из-за царского и монаршего достоинства, которым и до апостольской проповеди был украшен старый Рим, и обладал господством над всею вселенною, таковая Церковь имеет первенство над другими (τὰ τῶν ἄλλων φέρειν πρωτεῖα). Ибо после проповеди было совершенно сообразно, что вслед за царством и его (Рима. — П. К.) священство унаследовало честь и председательство перед всеми прочими Церквями (τὴν τε τιμὴν καὶ τὴν τῶν ἄλλων ἀλασῶν ἐκκλησιῶν προκαθεδρίαν). Однако и о том, что еще больше того [города] награжден был этот (μείζονα προσεπιφλοτιμηθῆναι ταύτην αὐτῇ) великим Константином мы знаем из его распоряжения, изданного, когда он перенес все царские регалии из него в этот великий град, почтив его собственным именем и удостоив чести называться царицей городов»⁸¹.

Как видим, византийцы сделали весьма неожиданный вывод из предъявленного им «Константинова дара»: раз Константин перенес столицу в Константинополь, а первенство Рима зиждилось на его политическом значении, значит, оно по праву должно перейти к Новому Риму! Впрочем, слова Анны и Мануила не выходят за рамки характерной для византийцев имперской политической риторики. В приводившихся выше толкованиях более сведущих в церковной традиции канонистов того же времени мы находим вполне традиционное понимание места и привилегий Константинополя.

⁸⁰ *Anna Comn.* Alexias I. 13. 4; Ср.: *Анна Комнина*. Алексиада / Я. Н. Любарский, вст. ст., пер., коммент. СПб., 1996². С. 82.

⁸¹ «Τοῖνον οὐ διὰ τὴν νομιζομένην ὑμῖν αἰτίαν, ἀλλὰ διὰ τὴν τῆς βασιλείας καὶ τῆς μοναρχίας τιμὴν, ἣ καὶ πρὸ τοῦ τῶν ἀποστόλων κηρύγματος ἢ παλαιὰ Ῥώμη κεκόσμητο, καὶ τὴν ἀπάσης τῆς οἰκουμένης ἡγεμονίαν ἐκέκτητο, τὰ τῶν ἄλλων φέρειν πρωτεῖα τὴν τοιαύτην ἐκκλησίαν, ὑπ' αὐτῆς τῆς τῶν πραγμάτων ἐναργείας ἐκδιδασκόμεθα· μετὰ γὰρ τὸ κήρυγμα πάντως ἀκόλουθον ἂν ἦν ἐπομένως τῇ βασιλείᾳ καὶ τὴν ταύτης ἱερωσύνην, τὴν τε τιμὴν καὶ τὴν τῶν ἄλλων ἀλασῶν ἐκκλησιῶν προκαθεδρίαν κληρώσασθαι· μενοῦν γε καὶ μείζονα προσεπιφλοτιμηθῆναι ταύτην αὐτῇ παρὰ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου γνωρίζομεν ἐκ τῆς αὐτοῦ διατάξεως ἐκτεθείσης ὅτ' ἐξ ἐκείνης πρὸς ταύτην τὴν μεγαλόπολιν τὰ τῆς βασιλείας πάντα παράσημα μετεβίβασε, τῷ οἰκείῳ τιμήσας ταύτην ὀνόματι καὶ βασιλίδα καταξιώσας καλεῖσθαι τὴν πόλεω» (*Bucossi A. Prolegomena to the Critical Edition of 'Ἱερὰ Ὀπλοθήκη — Sacred Arsenal by Andronikos Kamateros. Oxford, 2005. Part 2. P. 20 (текст), 195 (перевод)*). В переводе А. Букосси первое «ταύτην» в последнем предложении понято как «примат», что выставляет Мануила каким-то завзятым папистом. Любопытно, что, судя по реакции легатов, они тоже поняли эту заковыристую фразу в таком смысле. — Благодарю о. Павла Ермилова за указание на этот текст, опубликованный в малодоступной диссертации.

Но у нас есть и примеры «канонической гиперболы», исходящей уже от самого константинопольского предстоятеля. Патриарх Филофей в послании русским князьям по случаю поставления митрополита Алексия (1370) называет себя поставленным от Самого Бога «предстоятелем всех по всей вселенной находящихся христиан, попечителем и блюстителем их душ»⁸². А еще через четверть века патриарх Антоний IV, обращаясь из осажденного турками Константинополя с увещанием к Василию Дмитриевичу Московскому, писал:

«...Мы — блюстители божественных законов и канонов, и обязаны так действовать по отношению ко всем христианам, в особенности же по отношению к великим людям — князьям народов и местным властителям, каково твое благородие... Поскольку я — всеобщий учитель для всех христиан (καθολικός εἶμι διδάσκαλος πάντων τῶν χριστιανῶν), то на мне лежит непрменный долг: когда услышу о твоем благородии что-либо такое, что вредит твоей душе, писать тебе об этом, как твой отец и учитель, наставляя и убеждая тебя к исправлению: а ты, как христианин и сын Церкви, обязан исправиться... Ужели ты не знаешь, что патриарх занимает место Христа, от Которого и посаждается на владычном престоле? Не человека ты уничтожаешь, но самого Христа! (οὐδὲν περιφρονεῖς ἄνθρωπον, ἀλλὰ αὐτὸν τὸν Χριστόν)»⁸³.

И образ патриарха как подражателя Христу (восходящий, кстати, к «Исагоге»⁸⁴), и эпитет «всеобщего учителя» (каковыми являлись все пять патриархов) сами по себе не выходят за рамки канонов. Более того, патриарх пишет к своей пастве, в свою епархию, где его канонический авторитет безусловен. Но вне контекста эти слова режут слух...

После турецкого завоевания церковно-политический статус константинопольского патриарха получил специфическое оформление: он был назначен «миллет-баши Рума» — главой «народа» всех православных христиан, живущих на территории Османской державы. Аналогичный статус получили и духовные лидеры других немусульманских «народов» — армян и иудеев. Такое положение Константинополя позволяло ему претендовать на главенство над другими патриархатами ничуть не менее — а точнее, даже более, нежели во времена Византийской империи, которая не контролировала политически другие Поместные Церкви.

Особенного пика эти притязания достигли в XVIII в. Так, в синодальном акте 1757 г. Константинопольская Церковь именуется «матерью повсюду существующих святейших патриарших престолов», которая «по издревле чтимым своим привилегиям может повсюду вмешиваться и исправлять какие бы то ни было неисправности». А акт 1767 г. называет Константинопольский престол «общим блюстителем всех святых Божиих церквей и главой всего церковного тела».

⁸² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1994. Т. 5. С. 277, 295.

⁸³ Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. СПб., 1908². Т. 6. Ч. 1. Стб. 269–270.

⁸⁴ Eisagoge III. 1 (Epanagoge [lege: Eisagoge] legis // Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditoreum / G. E. Zachariae a Lingenthal, ed. Lipsiae, 1852. P. 67).

Несмотря на очевидную каноническую несообразность, данные выражения описывали вполне конкретную церковно-политическую реальность: в случае с Русской Церковью Константинополь действительно выступал в качестве прямого предстоятеля, а акты XVIII в. касаются Церквей на территории единого государства — Османской империи.

Впрочем, этот статус, полученный от султанов-иноверцев, не давал Константинополю *канонических* прав вмешиваться в дела других патриархатов. Вот как остро реагировал на одну из таких попыток, предпринятую Парфением IV (1657—1685, с 4 перерывами!) в отношении Александрии и Антиохии, известный иерусалимский патриарх Досифей II Нотара (1669—1707):

«Был Вселенского престола патриарх Парфений, человек ненаставленный и неученый, не разумеющий ни Номоканона и соборных правил, ни церковных чинов; распространил он руку свою, где ему не дано было, и престолы ... Александрийский и Антиохийский смутил и помешал... Сего ради пришел на него гнев Божий и воздал ему по сердцу его...»⁸⁵.

Выводы

Иерархическая власть регионального уровня (архиепископы — митрополиты — экзархи/патриархи) изначально базировалась *исключительно* на политических основаниях и опиралась на нормы светского права. Исходя из этого, соборные каноны определили церковный статус Константинополя: 1) как вторая столица Римской империи, он имеет первенство чести над равными ему по рангу архиереями (наряду с Римом, но после него); 2) как крупнейший политический центр, он обладает правами архиепископии высшего уровня, с подчинением ему митрополитов трех имперских диоцезов.

В V—VI вв. вся территория Римской империи была разделена на сферы канонической юрисдикции равных по сану и независимых друг от друга архиепископий, статус которых различался лишь их почетными привилегиями. Из них при Юстиниане выделились пять «вселенских патриарших престолов», чей авторитет признавался особо значимым.

Затем, в силу ряда причин, преимущества Рима и Константинополя стали толковаться как исключительные и имеющие некое особое административное и судебное измерение. В частности, Константинополь, оставшийся единственной патриаршей кафедрой на территории Византии, стал именоваться «главой Церквей» и претендовать на право вмешательства во внутренние дела других патриархатов. Однако все эти случаи, как правило, вписывались в рамки политических интерпретаций канонических норм и в целом соответствовали если не букве, то духу канонов, признававших приоритет государственной власти в вопросах определения границ канонической юрисдикции.

В совершенно иную плоскость данная проблема перешла в XX в., после массового переселения паствы Константинопольской Церкви и утраты Константи-

⁸⁵ Кантрев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. Т. 1. СПб., 1895. С. 228. Благодарю К. А. Панченко за указание на этот сюжет.

нополем статуса столицы. Отчаянное положение, в котором оказался Патриархат, вынуждает его на разнообразные вольные интерпретации древних канонических норм уже безо всякой привязки (по крайней мере, видимой) к политическим институтам⁸⁶. Поскольку обеспечивать сохранение за Константинополем его традиционного церковного статуса становится все сложнее, Вселенский Патриархат зондирует почву для расширения своих полномочий до общеправославного уровня, с перспективой превращения в некое подобие «православного Рима». Нельзя не отметить, что такой подход неизбежно ведет к метаморфозе всей традиционной православной церковно-канонической традиции, так как, среди прочего, противоречит одному из ее коренных принципов — конгруэнтности структур политического и церковного управления.

Ключевые слова: Константинополь, Рим, епископ, кафедра, первенство, примат, привилегии, папа, патриарх, диптихи, Византийская империя, христианская Церковь, вселенский патриарх.

THE CANONICAL STATUS OF CONSTANTINOPLE AND ITS INTERPRETATION IN BYZANTIUM

P. KUZENKOV

The author subjects to thorough consideration the gradual change in the status of the Patriarch of Constantinople from the bishop of a minor town to the Ecumenical Patriarch possessing a certain set of administrative privileges. After giving a definition of the status of a bishop and ecclesiastical provinces in the ancient Church, the author, basing his conclusions upon canonical sources and their expositions in the Early Byzantine period, proceeds to develop the idea that the change in the bishop's status went through several successive stages and that each new stage had its own causes, not the least important of which were of political nature. After both Rome and Constantinople, as political centers of the Roman Empire, received in the 4th century certain «privileges of honor» peculiar to capital cities, these privileges were consecutively modified into mandate of power. This process took several centuries to reach completion and was connected with the activities of the Emperors Zeno I and Justinian the Great (5th–6th centuries) who legally secured the new status of the bishop of the capital city and granted him the title of Ecumenical Patriarch. After the patriarchate of Photius and the conflict with the bishops of Rome the Patriarch of Constantinople receives the right to intrude — in certain cases — into the canonical jurisdiction of other Churches, which becomes the key change in understanding the nature of supremacy. In later times this tendency was

---

⁸⁶ Подробнее см.: *Ермилов П. В.* Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 1 (51). С. 36–53.

enhanced and reached its climax in the 20th century when the Ecumenical Patriarchate began testing the ground to expand its authority to the whole of the Orthodox world, with the further perspective of turning into a kind of «Orthodox Rome».

Keywords: Constantinople, Rome, bishop, episcopal see, primacy, primatus, privileges, (Roman) Pope, Patriarch, diptychs, the Byzantine Empire, the Christian Church, Ecumenical Patriarch.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. 2: Concilium Universale Chalcedonense. Vol. 3: Versio antiqua a Rustico correcta. Pars 1. B., 1935.
2. *Bucossi A.* Prolegomena to the Critical Edition of Ἱερὰ Ὀπλοθήκη — Sacred Arsenal by Andronikos Kamateros. Oxford, 2005. Part 2.
3. *Anne Comnène.* Alexiade: Règne de l'empereur Alexis I Comnène (1081–1118) / B. Leib, éd. Paris, 1937 T. I..
4. Codex iuris civilis. Vol. 2 / P. Krueger. ed. B., 1954.
5. Codex iuris civilis. Vol. 3: Novellae / R. Schoell, G. Kroll, ed. B., 1954⁶.
6. Epanagoge [*lege:* Eisagoge] legis // Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditoreum / G. E. Zachariae a Lingenthal, ed. Lipsiae, 1852. P. 53–217.
7. The Ecclesiastical History of *Evagrius* with the Scholia / J. Bidez, L. Parmentier, ed. L., 1898 (Amsterdam, 1964^r).
8. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta / J.-B. Pitra, ed. Romae, 1868. T. 2.
9. *Sokrates* Kirchengeschichte / G. Chr. Hansen, Hrsg. Berlin, 1995.
10. *Sozomen.* Kirchengeschichte / J. Bidez, G. Chr. Hansen, Hrsg. Berlin, 1960.
11. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων Ἀποστόλων καὶ τῶν ἱερῶν Οἰκουμενικῶν καὶ Τοπικῶν Συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος Πατέρων / Ἐκδοθὲν ὑπὸ Κ. Ράλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. Ἀθήνα, 1852 (Т. 1), 1852 (Т. 2), 1853 (Т. 3).
12. *Theophanes.* Chronographia / C. de Boor, rec. Leipzig, 1883. Vol. 1.
13. *Анна Комнина.* Алексиада / Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. СПб., 1996².
14. Деяния Вселенских Соборов. М., 1996. Т. 1–7.
15. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич, изд. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1–2.
16. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич, изд. София, 1987. Т. 2
17. *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2.
18. Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. СПб., 1908². Т. 6. Ч. 1.
19. Правила святых Апостол и святых Отец с толкованиями. М., 2000^р.
20. Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000^р.
21. Правила святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000^р.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.

Список литературы

1. *Duchesne L.* L'Illyricum ecclésiastique // *Byzantinische Zeitschrift*. 1892. Bd. 1. S. 531–550.
2. *Gahbauer F. R.* Die Pentarchietheorie: Ein Modell der Kirchenleitung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 1993.
3. *Grumel V.* Le Vicariat de Thessalonique et le premier rattachement de l'Illyricum oriental au patriarcat de Constantinople // *Annuaire de l'École des Législations Religieuses*. 1952. P. 49–63.
4. *Jugie M.* Le plus ancien recueil canonique slave et la primauté du pape // *Bessarione*. 1918. T. 34. P. 47–55.
5. *Peri V.* La pentarchia: Istituzione ecclesiale (IV–VII sec.) e teoria canonico-teologica // *Bisanzio, Roma e l'Italia nell'alto medioevo* (Spoleto, 3–9 aprile 1986). Spoleto: La Sede del CIAM, 1988. T. 1. P. 209–318.
6. *Грацианский М. В.* Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29.
7. *Ермилов П. В.* Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2014. Вып. 1 (51). С. 36–53.
8. *Кантерев Н. Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. СПб., 1895. Т. 1.
9. *Лепорский П. И.* История Фессалоникского экзархата до времени присоединения его къ Константинопольскому патриархату. СПб., 1901.
10. *Максимович К. А.* Спор о первенстве «старого» и «нового» Рима в славянском мире: («папистические» схолии в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ, 2005 г. М., 2005. Т. 1. С. 370–378.
11. *Максимович К. А.* Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах»: Перевод и комментарий // *Вестник ПСТГУ. Сер. I*. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54.
12. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
13. *Павлов А. С.* Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями // *Византийский временник*. 1897. Т. 4. С. 143–154.
14. *Россейкин Ф. М.* Восточный папизм в IX в. // *Богословский вестник*. 1915. Ч. 24. Т. 2. № 7–8. С. 405–438.
15. *Сиротенко В. Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирии в 395–425 гг. и ее последствия // *Античная древность и Средние века*. 1972. Т. 8. С. 73–88.
16. *Сокольский В. В.* О характере и значении Эпанагоги: Очерк по истории византийского права // *Византийский временник*. 1894. Т. 1. С. 17–54.